

Век. Москва. - 2000. - 27 апр. - с. 6

Максим Горький — человек и самолет

Горы статей и книг написаны об Алексее Максимовиче Пешкове. Но до сих пор ходят легенды о невероятной сложности и запутанности его личной жизни.

Борис ЕФИМОВ

Благотворительная эмиграция

Впервые я своими глазами увидел Горького на перроне Белорусского вокзала. Он вышел на запруженную народом привокзальную площадь, встреченный неистовыми криками «Ура!». А встречавший его от имени правительства Николай Бухарин с энтузиазмом закричал: «Максимыч опять с нами!»

В золотой клетке

Резиденцией Горького в Москве был определен вычурный особняк на Малой Никитской улице, построенный архитектором Шехтелем в стиле модерн для известного миллионера Рябушинского. Теперь там расположен Дом-музей Горького. Когда мне приходится бывать в этом музее, передо мной невольно встают картины прошлого — тех лет, когда здесь жил и работал Горький под бдительной охраной и неуслышным наблюдением соответствующих органов, возглавляемых пресловутым Генрихом Ягодой.

Капризное искусство

И Горький был доставлен в Москву, торжественно возведен в сан непререкаемого главы советской культуры и литературы, осыпан неслыханными почестями: древний Нижний Новгород переименован в город Горький, его именем названа главная улица столицы, его имя присваивается заводам, шахтам, колхозам, советам, институтам, паркам и так далее. Даже Московский художественный театр, который больше всего связан с пьесами Чехова, отныне именуется «МХАТ имени Горького».

Заступничество Горького за попавших в застенки ЧК вызывало недовольство Ленина

Здесь же, в огромной комнате, служившей Рябушинскому столовой, происходило писательское собрание, созданное Горьким для обсуждения вопросов литературы. Отправляясь на это заседание, Кольцов посоветовал мне пойти вместе с ним.

Смич о рябом хозяине

«Отец всех народов» сидел, время от времени раскуривая свою трубку и сохраняя абсолютно бесстрастное выражение лица, с которого зорко смотрели чуть-чуть прищуренные глаза, слушал выступавших писателей. Его молчаливое присутствие внесло в атмосферу совещания некую ледяную скованность.

Лакейская миссия

Видеть и слышать Горького в следующий раз мне довелось в одном из центральных и самых значительных культурных событий тридцатых годов — на Всесоюзном съезде советских писателей, проходившем весьма помпезно в Колонном зале Дома Союзов при ярком свете юпитеров, гоме и оркестров. Эти юпитеры, помню, очень раздражали председательствовавшего на открытии съезда А. М. Горького.

Мертвая петля

Теперь я хочу рассказать еще об одном Максиме Горьком, судьба которого была, пожалуй, еще более трагична. Речь идет о самом большом в мире по тем временам восьмимоторном самолете-гиганте «Максим Горький».

Расчеты Сталина на пользу, которую принесет возвращение Горького, целиком и даже с лихвой оправдались...

Впервые крылатый «Максим Горький» показался народу 19 июня 1934 года, когда он приветствовал с воздуха прибывших в Москву героев-челюскинцев. А мне довелось быть на его борту в первоймайский праздник 1935 года.

Заступничество Горького за попавших в застенки ЧК вызывало недовольство Ленина

Здесь же, в огромной комнате, служившей Рябушинскому столовой, происходило писательское собрание, созданное Горьким для обсуждения вопросов литературы. Отправляясь на это заседание, Кольцов посоветовал мне пойти вместе с ним.

Смич о рябом хозяине

«Отец всех народов» сидел, время от времени раскуривая свою трубку и сохраняя абсолютно бесстрастное выражение лица, с которого зорко смотрели чуть-чуть прищуренные глаза, слушал выступавших писателей. Его молчаливое присутствие внесло в атмосферу совещания некую ледяную скованность.

Лакейская миссия

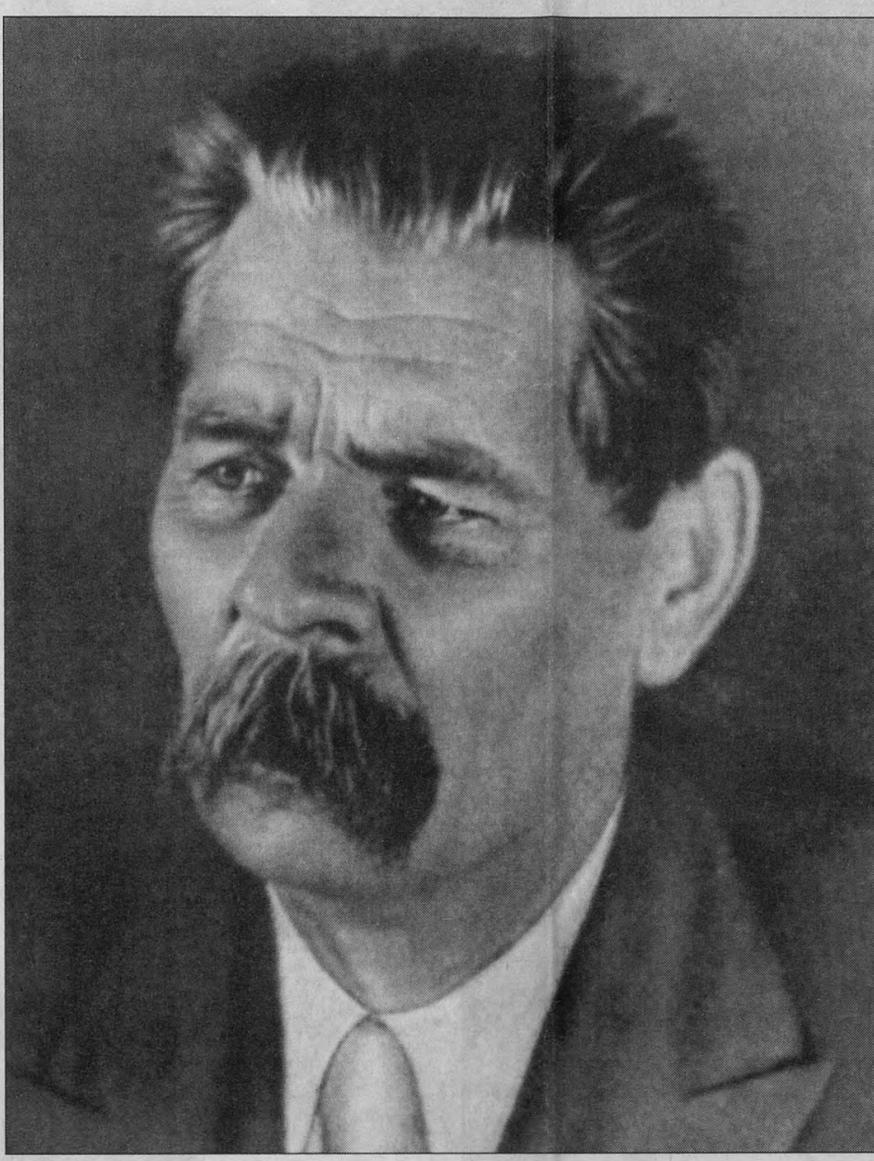
Видеть и слышать Горького в следующий раз мне довелось в одном из центральных и самых значительных культурных событий тридцатых годов — на Всесоюзном съезде советских писателей, проходившем весьма помпезно в Колонном зале Дома Союзов при ярком свете юпитеров, гоме и оркестров.

Мертвая петля

Теперь я хочу рассказать еще об одном Максиме Горьком, судьба которого была, пожалуй, еще более трагична. Речь идет о самом большом в мире по тем временам восьмимоторном самолете-гиганте «Максим Горький».

Расчеты Сталина на пользу, которую принесет возвращение Горького, целиком и даже с лихвой оправдались...

Впервые крылатый «Максим Горький» показался народу 19 июня 1934 года, когда он приветствовал с воздуха прибывших в Москву героев-челюскинцев. А мне довелось быть на его борту в первоймайский праздник 1935 года.

Эту процедуру, заслужив одобрение всей компании. В этот момент кто-то вбежал и, понизив голос, произнес:

— Ребята! Приехал Хозяин. Начинается совещание.

Забыв о «Степной устрице», все устремились наверх, и я увязался вместе с ними. Конечно, никто не посмел войти в зал, где происходило собрание, и мы расположились в соседней комнате, откуда все было видно и слышно.

И я своими глазами увидел Сталина, усевшегося чуть-чуть позади Горького, который на этом собрании председательствовал.

Здесь очень часто упоминают имя Горького с присоединением к нему различных измерительных эпитетов — Великий, Высокий, Длинный и тому подобное. Мне думается, что этому надо делать.

Горький с похвалой отзывался о выступлении Леонида Соболева, приводя его фразу «Партия и правительство дали писателю все, лишнее его только одного, — права плохо писать», и заметил:

— Отлично сказано! Отлично! На заключительном заседании съезда, создавшего Союз писателей СССР, был зачитан список членов Правления СП СССР. Председателем нового союза был, разумеется, единогласно выбран Горький.

Алексее Максимовичу к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

В его отношении к этому времени оставалось жить меньше двух лет. И это время можно, пожалуй, считать одним из самых драматических периодов его биографии. Можно не сомневаться, что он всей душой стремился в свое любимое Сорренто, мечтал спокойно там пожить и поработать. Но он уже стал «невьездным» и, по сути дела, заложником в особняке на Малой Никитской.

фе самолета им. Максима Горького. 18 мая 1935 г. в 12 ч. 45 м. в г. Москве в районе Центрального аэродрома произошла катастрофа с самолетом «Максим Горький». В этом полете самолет «Максим Горький» сопровождал тренировочный самолет ЦАГИ под управлением летчика Благина. Несмотря на категорическое запрещение делать какие бы то ни было фигуры высшего пилотажа во время сопровождения самолета, летчик Благин нарушил этот приказ и стал делать фигуры высшего пилотажа в непосредственной близости от самолета «Максим Горький» на высоте 700 м. При выходе из мертвой петли летчик Благин своим самолетом ударил в крыло самолета «Максим Горький». Самолет «Максим Горький» вследствие полученных повреждений от удара тренировочного самолета стал разрываться в воздухе, перешел в пики и отдельными частями упал на землю в поселке «Сокол», в районе аэродрома. При катастрофе погибло 11 чел. экипажа самолета «Максим Горький» и 36 чел. пассажиров... При столкновении в воздухе погиб летчик Благин, пилотирующий тренировочный самолет».

Смерть патриарха

А 18 июня 1936 года не стало и самого Горького. Об этом было обнародовано следующее сообщение:

«Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубокой скорбью извещают о смерти великого русского писателя, гениального художника слова, беззаветного друга трудящихся, борца за победу коммунизма — товарища Алексея Максимовича Горького...».

Огромное количество статей и выступлений было посвящено его памяти. Из этих откликов мы узнаем, что Горький был перевезен в Москву из Крыма настолько больным, что врачи за него боялись и 1 июня его положение было признано очень серьезным. Он лежал в подмосковных Горках и при этом к воротам его дома была приставлена вооруженная стража. Французского поэта Луи Арагона, который вместе со своей женой, небезвестной Эльзой Триоле (между прочим, родной сестрой Лили Брик), приехал из Парижа по приглашению Алексея Максимовича, а также бывшего вместе с ними Михаила Кольцова не пустили даже в приусадебный парк. Они долго просидели перед воротами в автомобиле и видели, как оттуда выехала машина, увозившая докторов, — это было утро смерти Горького. Вот что пишет об этом сам Арагон:

«...18 июня, перед усадьбой... Автомобиль. Водитель спорит со стражей, цель на воротах опускается. Это доктор. Может быть, после его визита мы будем иметь право? Михаил ходит к страже и обратно к нам. Еще проходит час. Снова выезжает автомобиль, Михаилу удается приблизиться к нему. Доктор его знает, они переговариваются... Горький умер. Нам ничего не оставалось, как уехать. У Михаила были слезы на глазах. И он все время говорил, что Старик очень хотел нас видеть перед тем, как умереть... Тогда еще никто не знал, не думал, что эта смерть после долгой болезни была убийством...»

Я не хотел идти на похороны, ужас как было жарко, длинный путь на кладбище, пешком, усталость... Михаил пришел в гостиницу, умолял, настаивал... «Горький так хотел вас видеть!». Обещал, что мы будем шагать сейчас же вслед за правительством... Горький так бы этого хотел... Наконец мы уступили...»

В ночь на 20 июня состоялась кремация, и вечером урна с прахом Горького торжественно была замурована в Кремлевской стене. Страна была в глубоком трауре.

Через некоторое время Сталин вызвал Михаила Кольцова и поручил ему написать о Горьком массовую популярную брошюру, которая и была издана трехсоттысячным тиражом под названием «Буревестник». Эту брошюру Кольцов написал очень быстро, и когда он принес ее Хозяину, тот сразу прочел ее в присутствии автора. Брошюра ему понравилась, и он тут же дал команду ее печатать. Потом, помолчав и раскурив трубку, сказал:

— Написано живо. Доходчиво. А что, товарищ Кольцов, неплохо бы в таком же духе написать о товарище Сталине, — сказал он в своей манере о себе в третьем лице.

...Брошюра «Буревестник», действительно, написана «по-кольцовски» — живо, доходчиво, образно. Приведу ее последние строки:

«Проходят годы. Мы, современники Горького, лично знавшие его, не можем привыкнуть и смирились с его смертью. Но для народов масс, для мировой культуры и цивилизации, для всего человечества — писатель Максим Горький никогда не умрет, никогда не будет утрачен, никогда не может исчезнуть. Ведь это живой, осязаемый, реальный кусок нашей России, ее народа, ее действительности. Разве могут умереть, исчезнуть Жигулевские горы или морской прибой у крымских берегов, или зеленые просторы кубанских степей? Как Пушкин, как Толстой, как Степан Разин, как сибирские партизаны, как огни Магнитной горы, как тревожная и сильная русская песня — в веках останется жить народный великан Максим Горький, буревестник революции».

«Максим Горький» поднялся над Москвой. И так же, как в первоймайский день, его сопровождали два истребителя. По сей день остается мрачной загадкой, кому и зачем понадобилось дать команду летчику Благину, пилоту одного из истребителей, выполнить фигуры высшего пилотажа вокруг огромного крыла «Максима Горького».

Известно, что Благин категорически возражал против этого. Но кому-то понадобилось на этом настаивать. Благин вынужден был подчиниться. В официальном сообщении о происшедшей ужасной катастрофе факты излагаются несколько иначе: «Сообщение ТАСС о катастро-

фе самолета им. Максима Горького. 18 мая 1935 г. в 12 ч. 45 м. в г. Москве в районе Центрального аэродрома произошла катастрофа с самолетом «Максим Горький». В этом полете самолет «Максим Горький» сопровождал тренировочный самолет ЦАГИ под управлением летчика Благина. Несмотря на категорическое запрещение делать какие бы то ни было фигуры высшего пилотажа во время сопровождения самолета, летчик Благин нарушил этот приказ и стал делать фигуры высшего пилотажа в непосредственной близости от самолета «Максим Горький» на высоте 700 м. При выходе из мертвой петли летчик Благин своим самолетом ударил в крыло самолета «Максим Горький». Самолет «Максим Горький» вследствие полученных повреждений от удара тренировочного самолета стал разрываться в воздухе, перешел в пики и отдельными частями упал на землю в поселке «Сокол», в районе аэродрома. При катастрофе погибло 11 чел. экипажа самолета «Максим Горький» и 36 чел. пассажиров... При столкновении в воздухе погиб летчик Благин, пилотирующий тренировочный самолет».

А 18 июня 1936 года не стало и самого Горького. Об этом было обнародовано следующее сообщение:

«Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубокой скорбью извещают о смерти великого русского писателя, гениального художника слова, беззаветного друга трудящихся, борца за победу коммунизма — товарища Алексея Максимовича Горького...».

Огромное количество статей и выступлений было посвящено его памяти. Из этих откликов мы узнаем, что Горький был перевезен в Москву из Крыма настолько больным, что врачи за него боялись и 1 июня его положение было признано очень серьезным. Он лежал в подмосковных Горках и при этом к воротам его дома была приставлена вооруженная стража. Французского поэта Луи Арагона, который вместе со своей женой, небезвестной Эльзой Триоле (между прочим, родной сестрой Лили Брик), приехал из Парижа по приглашению Алексея Максимовича, а также бывшего вместе с ними Михаила Кольцова не пустили даже в приусадебный парк. Они долго просидели перед воротами в автомобиле и видели, как оттуда выехала машина, увозившая докторов, — это было утро смерти Горького. Вот что пишет об этом сам Арагон:

«...18 июня, перед усадьбой... Автомобиль. Водитель спорит со стражей, цель на воротах опускается. Это доктор. Может быть, после его визита мы будем иметь право? Михаил ходит к страже и обратно к нам. Еще проходит час. Снова выезжает автомобиль, Михаилу удается приблизиться к нему. Доктор его знает, они переговариваются... Горький умер. Нам ничего не оставалось, как уехать. У Михаила были слезы на глазах. И он все время говорил, что Старик очень хотел нас видеть перед тем, как умереть... Тогда еще никто не знал, не думал, что эта смерть после долгой болезни была убийством...»

Я не хотел идти на похороны, ужас как было жарко, длинный путь на кладбище, пешком, усталость... Михаил пришел в гостиницу, умолял, настаивал... «Горький так хотел вас видеть!». Обещал, что мы будем шагать сейчас же вслед за правительством... Горький так бы этого хотел... Наконец мы уступили...»

В ночь на 20 июня состоялась кремация, и вечером урна с прахом Горького торжественно была замурована в Кремлевской стене. Страна была в глубоком трауре.

Через некоторое время Сталин вызвал Михаила Кольцова и поручил ему написать о Горьком массовую популярную брошюру, которая и была издана трехсоттысячным тиражом под названием «Буревестник». Эту брошюру Кольцов написал очень быстро, и когда он принес ее Хозяину, тот сразу прочел ее в присутствии автора. Брошюра ему понравилась, и он тут же дал команду ее печатать. Потом, помолчав и раскурив трубку, сказал:

— Написано живо. Доходчиво. А что, товарищ Кольцов, неплохо бы в таком же духе написать о товарище Сталине, — сказал он в своей манере о себе в третьем лице.

...Брошюра «Буревестник», действительно, написана «по-кольцовски» — живо, доходчиво, образно. Приведу ее последние строки:

«Проходят годы. Мы, современники Горького, лично знавшие его, не можем привыкнуть и смирились с его смертью. Но для народов масс, для мировой культуры и цивилизации, для всего человечества — писатель Максим Горький никогда не умрет, никогда не будет утрачен, никогда не может исчезнуть. Ведь это живой, осязаемый, реальный кусок нашей России, ее народа, ее действительности. Разве могут умереть, исчезнуть Жигулевские горы или морской прибой у крымских берегов, или зеленые просторы кубанских степей? Как Пушкин, как Толстой, как Степан Разин, как сибирские партизаны, как огни Магнитной горы, как тревожная и сильная русская песня — в веках останется жить народный великан Максим Горький, буревестник революции».

«Максим Горький» поднялся над Москвой. И так же, как в первоймайский день, его сопровождали два истребителя. По сей день остается мрачной загадкой, кому и зачем понадобилось дать команду летчику Благину, пилоту одного из истребителей, выполнить фигуры высшего пилотажа вокруг огромного крыла «Максима Горького».